

Благодарности

Я хотела бы выразить огромную благодарность следующим людям за их поддержку, любовь и солидарность. Каждый из вас приложил руку к тому, чтобы эта книга появилась на свет.

Л.Б. Симмонс, Анджеле Бонни Шокли, Офелии Александров, Мелиссе Панио-Петерсен, Натали Рэйвен, Элейн Глинн, Кэтлине Рипли, Дженнифер Балог и моему мужу Биллу — за его невероятную поддержку, за то, что присматривал за детьми, чтобы я могла спокойно писать, и особенно за веру в меня.

Огромное спасибо Колину Ленихану, доктору медицинских наук, за то, что поделился знаниями в области трансплантации сердца и хронического отторжения.

Все без исключения вольности, связанные с наукой, были допущены мной в целях усиления сюжета. Тем не менее я старалась следовать советам доктора Ленихана настолько, насколько это было возможно, чтобы сделать историю максимально реалистичной.

Большая благодарность Грегори Т. Глассу, который обучил меня прекрасному (и захватывающему дух) искусству выдувания стекла. Спасибо вам за то, что вы оживили мастерство Джоны.

Благодарю моих читателей-блогеров, моих друзей в этом замечательном сообществе... Честно, не знаю,

ЭММА СКОТТ

что бы я делала без вас. Вы превращаете это невероятное, пугающее, чудесное путешествие в особое событие, и я ценю все, что вы делаете. Вы вдохновляете и поддерживаете меня, я всегда буду за это благодарна.

И, наконец, спасибо моему редактору, Суан Лакер. Ты разбираешься в моих ошибках, ты указываешь на подводные камни и придаешь смысл ценным моментам, ты даешь мне силы продолжать, когда я бьюсь головой о стену от страха и беспокойства. Я бы не справилась без тебя. Ты — Вселенная.

Примечание автора

Написать эту книгу было непросто. Я не стремилась рассказать эту историю. Но она не оставляла меня, несмотря на неудачи и трудности. Честно говоря, эта идея пугала меня до чертиков, но что-то внутри умоляло ея поделиться. Я верю, что любовные истории бывают разных видов и форм. Некоторые люди встречаются и влюбляются, у других возникают проблемы; некоторые упорно продолжают жить вместе, возможно, расстанутся, а потом снова сойдутся и находят покой в любви, которая у них была. Но что делать тем, кто влюбляется, когда трагедия уже маячит на горизонте и надвигается все ближе? Что означает любовь для тех, кто находится в конце своего пути?

Я искренне верю в идею «долго и счастливо». Для всех. Неважно когда, кто или как полюбил друг друга. Раз эта любовь существовала и они чувствовали ее — это стоит всего. Это невозможно победить.

Любовь всегда торжествует.

Посвящение

Помимо любовных отношений в этой книге речь идет и о братьях. Она посвящена моему брату Бобу, который однажды сказал мне: «Почему бы тебе не написать роман?» Сам того не подозревая, он отправил меня в это путешествие. Рассказывать любовные истории — мое призвание, и за это я буду ему вечно благодарна.

Плейлист

- «Halsey» — Hurricane
- «Chandelier» — Sia
- «Yellow» — Coldplay
- «My Heart Will Go On» — Celine Dion
- «Like a River» — Bishop
- «Free Fallin» — Tom Petty
- «Chasing Cars» — Snow Patrol
- «Spirits» — the Strumbellas
- «Hallelujah» — Leonard Cohen (Rufus Wainwright cover)
- «Lightning Crashes» — Live

Фул тилт (*англ.* full tilt) — в покере:
играть, полагаясь на эмоции,
а не на разум; принимать поспешные,
нелогичные решения.

Пролог
ДЖОНА

15 месяцев назад...

Яркий белый свет ослепил меня. С трудом попытавшись держать глаза открытыми, я сдался и закрыл их снова. Я сконцентрировался на звуке аппарата, он не позволял мне окунуться в беспамятство. Этот пищавший звук был моим пульсом. Пульсом моего нового сердца, медленно бьющегося в груди. Еще вчера оно принадлежало двадцатитрехлетнему баскетболисту, которому не посчастливилось попасть в аварию недалеко от Хендерсона. А сейчас оно стало моим. Сознание было переполнено горем и благодарностью.

«Спасибо. Мне так жаль, но я очень благодарен...»

Боже, моя грудь. Ощущение было такое, будто наковальня свалилась прямо на меня, раздавив ребра. Где-то там, в глубине, ныло сердце. Сильная нарастающая боль в грудной клетке, которую открыли, словно шкаф, и закрыли вновь.

Я застонал. Из-за боли стон оказался громким.

— Он очнулся. Ты слышишь меня, милый?

Я снова заставил глаза открыться, белый свет в палате был слишком ярким.

«Возможно, я мертв».

Белизна больничных простыней и резкий свет флуоресцентных ламп обжигали мне глаза, но через

некоторое время стало легче. Силуэты приобрели форму. Родители нависли надо мной. Глаза матери были влажными от слез. Она протянула руку, чтобы убрать прядь волос с моего лба и поправила носовой катетер, хотя скорее всего с ним было все в порядке.

— Выглядишь чудесно, дорогой, — ее голос дрожал.

Меня словно переехал товарный поезд, а еще до операции я был смертельно болен уже несколько недель. Но она не имела в виду, что я выгляжу хорошо. Мама хотела сказать, что я выгляжу живым.

Мне удалось улыбнуться. Ради нее.

— Ты хорошо справился, сын, — сказал отец, — доктор Моррисон сообщил, что все в полном порядке. — Он натянуто улыбнулся и отвернулся, кашляя в кулак, чтобы скрыть свои эмоции.

— Тео? — прохрипел я и поморщился от резкой боли в груди. Я неглубоко вздохнул и посмотрел налево, пытаюсь отыскать брата. Он сидел, скорчившись в кресле и положив руки на колени. Сильный. Надежный.

— Эй, бро, — сказал он, и я услышал наигранную легкость в его низком голосе, — мама разыгрывает тебя. Выглядишь ты дерьмово.

— Теодор, неправда. Он выглядит прекрасно, — сказала мама.

У меня не было сил пошутить над братом. Я смог лишь выдавить из себя улыбку. Тео улыбнулся в ответ, но вышло как-то натянуто и сухо. Я знал своего брата лучше, чем кто-либо. Я знал, его что-то гложет. Гнев полыхал в нем, как костер, и сейчас это пламя разгоралось.

«Почему?..»

Я обвел взглядом комнату и догадался.

— Одри? Где она?

Атмосфера стала напряженной, и мама подскочила, будто ее укололи. Присутствующие стали обмениваться взглядами, словно над моей кроватью запорхали птицы.

— Уже поздно, — проговорил отец, — она ушла домой.

Мой отец был членом городского совета, и он включил свой голос политика, тот самый, который использовал, когда ему нужно было сказать неприятную правду приятным образом. Мама, воспитательница в детском саду, мастерски владевшая искусством утешения, вмешалась:

— Но сейчас тебе необходим сон. Засыпай. Ты почувствуешь себя гораздо лучше после отдыха. — Она поцеловала меня в лоб, — я люблю тебя, Джона. Все будет хорошо.

Папа обнял маму за плечи.

— Давай дадим ему отдохнуть, Беверли.

Я отдыхал. Я постепенно проваливался в прерывистый, пропитанный болью сон, пока медсестра не поставила мне капельницу. Только после этого я крепко заснул.

Когда я проснулся, Тео был в палате. Одри не было. Мое новое сердце глухо и тяжело забилося. Адреналин снова мог ударить в кровь, или какой там гормон вырабатывается, когда заканчивается то, что, как вам казалось, будет длиться вечно.

— Где она? Скажи мне правду.

Тео знал, о ком я.

— Она улетела в Париж вчера утром.

— Ты говорил с ней? Что она сказала?

Он подвинул стул ближе.

— Какая-то идиотская слезливая история. Будто это была мечта ее жизни и все такое... — Его взгляд блуждал по комнате.

— Это не так, — сказал я.

— Она не могла так просто все разрушить, — он провел рукой по волосам. — Черт, не нужно было вообще ничего говорить.

— Нет, — я покачал головой, — я рад, что ты сказал мне. Мне нужно было это услышать.

ЭММА СКОТТ

— Мне так жаль, бро. Три года. Ты отдал ей три года, и она просто...

— Все в порядке. Так даже лучше.

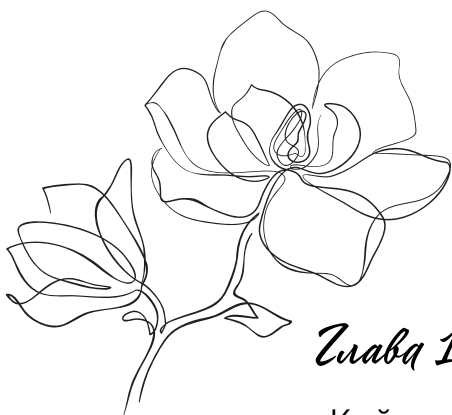
— Лучше? Как, черт возьми, это может быть лучше?

Мои веки налились тяжестью, и мне захотелось закрыть глаза и на некоторое время погрузиться в забытьё. У меня не было сил сказать, что у меня нет ненависти к Одри за то, что она бросила меня.

Я предвидел, что это произойдет. Уже больной, с отказывающим сердцем, я видел, как она дергалась и подсакивала, бросая взгляд на дверь, прокладывая путь к спасению от моей болезни и жизни, которая мне досталась. И все-таки было больно — я чувствовал каждый год из этих трех лет, что мы были вместе, словно нож, вонзающийся в мое новое сердце. Но я не ненавидел ее. Я не ненавидел ее, потому что не любил. По крайней мере, не так, как я хотел бы любить женщину — отдавая все, что у меня было.

Одри ушла. Тео мог ненавидеть ее вместо меня. Мои родители могли поражаться ее жестокостью от моего имени. Но я отпустил ее, потому что в тот момент не знал, что она будет последней...

Глава 1

Кейси

Июль, ночь субботы

Я была пьяна. Иначе зачем я держала в руке мобильник, с большим пальцем, зависшим над домашним номером моих родителей в Сан-Диего?

«Пьяные звонки. Но только не бывшему».

Я фыркнула, смеясь. Хотя это больше походило на всхлип, эхом разнесшийся по лестничной клетке. Я сидела в темном, узком пространстве, подтянув колени к груди, стараясь казаться меньше. Мне хотелось превратиться в невидимку. По ту сторону цементной стены я слышала приглушенные крики и свист трех тысяч человек, ожидавших, когда на сцену выйдут *Rapid Confession*. Наш менеджер, Джимми Рэй, дал нам десятиминутный перерыв добрых двадцать минут назад, и мои товарищи по группе, вероятно, искали меня. Я сделала глоток из бутылки с водой Evian, на три четверти наполненной водкой, потому что вот такая я умная, и задумчиво посмотрела на свой телефон. Я подбадривала себя, чтобы взять и позвонить. Но предупредила себя, что не стоит этого делать, лучше просто убрать телефон и присоединиться к группе